

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС НАРРАТИВА В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

В.Ю. Яковлев

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Костромской государственный университет», Кострома, Россия

Для цитирования: Яковлев В.Ю. Эпистемологический статус нарратива в научном познании // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 3–4. С. 31–38. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.31-38>

Поступила: 20.05.2021

Одобрена: 25.05.2021

Принята: 01.06.2021

▪ **Обоснование.** В статье проанализирована роль нарратива в научном познании.

Цель статьи — исследование эпистемологического статуса нарратива в процессе производства и легитимации знания.

Методология исследования основана на семиотической концепции культуры в контексте прагматической практики обоснования результатов научного исследования. Нарратив рассматривается как специфический способ осмысления мира и форма бытия человека в процессе порождения знания через рассказ. Анализируются функции нарратива в процессе познания: генерации и осмысления знания, структурной организации когнитивного опыта, трансляции индивидуального познавательного опыта в культурный код общества. Обсуждается тезис, что научные репрезентации объекта познания являются вторичными по отношению к нарративным моделям понимания в контексте коммуникативной практики науки.

Сделаны **выводы** о необходимости экспликации в эпистемологии ценностно-смысловых оснований прагматики научного знания, с учётом которой нарративная природа научного знания должна быть эксплицитно представлена в методологической рефлексии научного исследования.

▪ **Ключевые слова:** нарратив; рассказ; научный дискурс; нарративный анализ; социальная эпистемология.

EPISTEMOLOGICAL STATUS OF THE NARRATIVE IN SCIENTIFIC COGNITION

V.Yu. Yakovlev

Kostroma State University, Kostroma, Russia

For citation: Yakovlev VYu. Epistemological status of the narrative in scientific cognition. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2021;(3-4):31–38. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.31-38>

Received: 20.05.2021

Revised: 25.05.2021

Accepted: 01.06.2021

▪ **BACKGROUND:** The article analyzes the role of narrative in scientific cognition.

AIM: The aim of the article is to investigate the epistemological status of the narrative in the process of knowledge production and legitimization.

MATERIALS AND METHODS: The methodology of the study is based on the semiotic concept of culture in the context of the pragmatic practice of justifying the results of scientific research. Narrative is viewed as a specific way of making sense of the world and a form of human existence in the process of knowledge generation through storytelling. The functions of narrative in the process of cognition are analyzed: generation and comprehension of knowledge, structural organization of cognitive experience, translation of individual cognitive experience into the cultural code of society. The thesis that scientific representations of the object of cognition are secondary to narrative models of understanding in the context of communicative practice of science is discussed.

CONCLUSIONS: Conclusions are made about the necessity of explication in epistemology of value-semantic foundations of pragmatics of scientific knowledge, taking into account which the narrative nature of scientific knowledge should be explicitly presented in the methodological reflection of scientific research.

▪ **Keywords:** narrative; story; scientific discourse; narrative analysis; social epistemology.

Обоснование

Повествование или нарратив (от лат. *narrare* — рассказ) — одна из основных форм фиксации и передачи культурного опыта чело-

века, которая обнаруживается во всём многообразии человеческой деятельности. Человек осмысливает переживаемый опыт, факты и процессы социальной жизни, рассказывая

о них как о некоторой последовательности событий, выстраиваемых в определенный сюжет, в котором мир становится понятным и соразмерным жизни. В результате естественного присутствия во всех формах бытия человека повествование (нарратив) традиционно ассоциировалось с мнением, вымыслом, литературным жанром, нерелексивным знанием. Институционализация науки как теоретической формы знания и социального института сопровождалась «отстранением» от нарративных форм знания, которые отождествлялись с доклическим опытом, рассказом, художественным текстом, как чем-то вымышленным и произвольным.

Проблема соотношения нарративного повествования и жизни, тематизация повествовательных способов понимания мира как специфических форм человеческого существования способствовали тому, что нарратив стал предметом повышенного интереса со стороны различных областей научного знания. Нарратология или «теория повествования» зародилась в 60-е годы XX в. в структурной лингвистике, где изучение повествовательных текстов было направлено на выявление инвариантного структурного репертуара нарратива [13]. В результате научных дискуссий концепция нарративного повествования, которая изначально рассматривалась в качестве предмета аналитического исследования текста в лингвистике, обрела методологический статус, стала концептуальной схемой объяснения текстов гетерогенного происхождения и области функционирования. «Отправной точкой нового интереса к нарративу в гуманитарных науках, — отмечают Й. Брокмейер и Р. Харре, — является, по-видимому, „открытие“ в 1980-х годах того, что повествовательная форма — и устная, и письменная — составляет фундаментальную психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую основу наших попыток прийти к соглашению с природой и условиями существования» [2, с. 30]. В итоге, в процессе исследования текстов любого жанра нарратив стал рассматриваться как способ структурной организации дискурсивных практик человека, а метод их познания был назван У. Фишером «нарративной парадигмой» [14].

С конца XX в. концепция нарратива стала использоваться в широком спектре гуманитарных наук, что было связано с выходом теории нарратива за пределы лингвистики [9]. Повествовательный подход в постмодернистской интерпретации стал использоваться как «специфическое средство для создания моделей „экспериментального освоения мира“, моделей, предъявляемых в качестве примера

для „руководства действиями“» [5, с. 144]. В психологии, например, нарратив стал использоваться как «познавательная схема» исследования личности (Н. Штейн); феномен конструирования социальных отношений (К.Дж. Джерджен) [4]; концепт формирования идентичности человека (Д. Макадамс, Д. Спенс). Аналогичная ситуация наблюдается в областях гуманитарного знания. Историк Х. Уайт [11], утверждает, что историки при описании прошлого неизбежно сочиняют «рассказ», с помощью которого они могут организовывать описываемые события правдоподобным образом. Философ и теоретик литературы П. Рикер [9] фиксирует внимание на том, что понимание истории зависит от повествовательной структуры дискурса, сюжета, в который мы привносим наш опыт.

Цель статьи — исследование эпистемологического статуса и функций нарратива, в процессе производства и легитимации знания как фактора прагматической, социально-культурной детерминации научного познания.

Методология исследования

Методология исследования основана на философской концепции «языковых игр» (Л. Витгенштейн); семиотической концепции культуры, ориентирующей на системное описание прагматики конституирования знания; теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, П. Стросон); критической теории нарративных практик классической науки в постмодернистской философии (Ж.-Ф. Лиотар) и социальной эпистемологии.

Тематизация онтологии научного знания сквозь призму «рассказа» в современной теории познания становится предпосылкой для изучения научного дискурса в различных областях научного исследования. Это предполагает обсуждение в междисциплинарном аналитическом исследовании оснований «нарративного поворота». Данный термин введен в научный оборот Мартином Крейсвиртом [15] для характеристики философской «оптики», затрагивающей переосмысление нарративного предмета науки и методов его познания в постнеклассической научной рациональности, изменение отношения к тексту нарратива и миру как тексту, сближение методов познания ученого и творчества литератора.

Результаты исследования

В традиционном плане нарратив — повествование (рассказ) о последовательности событий пережитого опыта, связанных между

собой причинно-следственным образом, имеющих начало (точка отсчета), развитие сюжетного действия и его завершение (финал). В основе нарратива лежит идея темпоральности, временной динамики описываемых событий, организованных в форме определенного сюжета, как структурирующего начала, придающего смысл описываемой реальности в контексте коммуникативного её понимания.

Определяющим звеном повествования является сюжет, посредством которого события, фигурирующие в рассказе, выстраиваются в определенной последовательности. У каждого сюжета может быть несколько вариантов изложения, позволяющих представить рассказ по-иному в другом контексте повествования. Хорошо составленные рассказы имеют ряд текстологических элементов, при помощи которых рассказчик (нарратор), диалогически взаимодействует с читающей и слушающей аудиторией, интерпретирует интертекст нарратива, аргументирует свою позицию, обращая внимание на одни аспекты дискурса, умалчивая о других.

Нарратология как раздел лингвистики исследует различные структурно-функциональные компоненты повествования: сюжет, фабулу, стиль, тропы как структурные элементы текста, соотношение дискурса, нарратива и наррации, взаимосвязь автора и нарратора, персонажа и читателя [5, с. 164]. Современные междисциплинарные исследования нарратива идут дальше, выявляя основания и пределы нарративной методологии гуманитарного знания. В семиотической теории нарратив, как лингвистическая система знаков в повествовательном тексте, характеризует: соотношение знаков со знаками (синтаксис повествования); соотнесение знаков и описываемой с помощью них внеязыковой реальности (семантика повествования); диалогические отношения субъектов, использующих и интерпретирующих знаковую систему языка (прагматика повествования), фиксирующая коммуникативное понимание текста нарратива.

Обсуждение повествовательных способов бытия и производства научного знания в постнеклассической научной рациональности, формирование информационного общества привели к изменению мировоззренческой оценки знания с позиций недоверия к «большим нарративам» классической философии науки. Постмодернизм, с точки зрения Ж.-Ф. Лиотара [7, с. 10], знаменует отказ от «метанарративов» (идей Просвещения, прогресса, истины, освобождения человека и т. п.) как средства идеологически ангажированного обоснования знания. Изменения в основаниях

постнеклассической науки (В.С. Степин) способствовали тому, что научный нарратив стал тематизироваться «в семье нарративных культур» как разновидность дискурса.

Существенная часть научного знания, в том числе в области естественных наук, где логико-дедуктивный и экспериментальный базис являются важнейшими средствами объективации знания, в качестве основания опираются на нарративные практики повествования. Научный дискурс насыщен элементами рассказа, такими как сюжет, фабула, перформатив, метафора, целеполагание, сравнение и т. д., которые, не будучи устойчивыми формами организации научного языка, влияют на процесс производства научного знания и его интеграцию в культуру. Закономерны вопросы: каковы функции нарратива в структуре научного познания? возможно ли научное знание, основанием которого служит рассказ?

Для ответа на поставленные вопросы обратимся к концепции «языковых игр» Л. Витгенштейна и философско-методологической критике «больших нарративов» в концепции Ж.-Ф. Лиотара, которые, по утверждению Ф.Р. Анкерсмита, «идентичны так называемой спекулятивной философии истории. Спекулятивная философия истории, то есть тот вид систем, который был построен Гегелем, Марксом, Шпенглером, Тойнби и многими другими, свирепо критиковался в пятидесятые годы такими философами, как Поппер, Манделбаум и Хайек» [1, с. 350].

Научное познание как разновидность «языковой игры», вплетённой в социальную жизнедеятельность людей, предполагает наличие определённых правил, «вычитываемых», по словам Л. Витгенштейна, «из самой игры — как некий закон природы, которому подчиняются действия играющих» [3, с. 105]. Языковые игры в науке включают несколько форм высказываний, среди которых можно выделить описательные (денотативные) высказывания о мире с позиций корреспондентной концепции истины как соответствия текста высказывания реальному положению дел; деонтические высказывания, обязывающие совершить определённые действия; перформативные, реализующие собой определённое действие, социальный поступок.

Денотативные описания фактов или положения дел «вторичны» в том отношении, что возможны только потому, что прескриптивные (деонтические) высказывания определяют правила того, что «должно» сделать, как поступить, исходя из имеющихся социальных предписаний. Указанные нормы языковой

игры имманентны нарративу и составляют основание знания, без которого его существование невозможно. «Если нет правил, то нет и игры, — отмечает Ж.-Ф. Лиотар, — даже небольшое изменение правила меняет природу игры, а „приём“ или высказывание, не удовлетворяющее правилам, не принадлежат определяемой ими игре» [7, с. 72]. В нарративе все перечисленные формы высказывания синкретично взаимосвязаны. Прагматика нарративного знания предполагает систему социальных компетенций, позволяющую «произносить „хорошие“ денотативные высказывания, а также „хорошие“ прескриптивные или оценочные высказывания» [7, с. 52–53].

В позитивистской философии научное знание сфокусировано на денотативно-истинном описании (с позиций принципов верификации познавательного опыта) и устранении прескриптивных и перформативных высказываний, которые образуют неустранимый контекст генерации научного знания. Наука в такой парадигмальной концепции включает денотативные высказывания, но дистанцируется от прагматики знания — перформативных и прескриптивных суждений, которые изначально образуют единство с описательными предложениями.

Однако научный дискурс включает не только верифицированные, истинные суждения, но также нормы, требования, обещания, оценки, которые отражают отношение субъекта познания к содержанию высказывания. Условием онтологической возможности научного знания является языковая игра коммуникативного сообщества, на основании которой субъект аргументирует, добивается консенсуса по правилам, усвоенным в качестве члена общества. Научное познание фундировано прагматикой нарративного дискурса, в контексте которого истинные денотативные описания наделяются эпистемологическим статусом достоверного и обоснованного знания. Без встречи и диалога с Другим семантика (логически связанная с корреспондентной теорией истины) и синтактика научного языка (логически соотносимая с когерентной теорией истины) проблематична и неосуществима.

В коммуникативном осмыслении знания учёный исходит из презумпции взаимопонимания знания, в отсутствии которого рефлексия и объективация знания становится невозможной. Научный нарратив, как коммуникативное со-бытие с Другим, зависит не только от точки зрения автора, но и от рецептивной интенции рассказа в коммуникативном сообществе по отношению к компетентному слушателю или читателю.

«Вторичность» денотативного научного описания позволяет объяснить семиотическую неоднозначность интерпретации и подчеркнуть приоритет нарратива, как основания и контекста любой формы дискурса, включая научную его разновидность. В социокультурной прагматике нарратива научное знание получает ценностно-смысловую размерность когнитивного опыта, в которой «соответствие» или «несоответствие» высказывания о реальности зависит не только от объекта описания, но и от консенсуса акторов, вступающих в роли экспертов диалогического понимания знания. Легитимация научного знания в данном случае характеризует соответствие высказывания правилам языковой игры, сложившимся в коммуникативном сообществе, устанавливающим, что «истинно», «справедливо», «должно» в нарративной практике, а что противоречит данным правилам.

Классическая теория познания ориентирована на истинное описание объекта (дескрипцию) и элиминацию прескриптивной составляющей языковой игры. Однако в такой методологии «научное знание, — как пишет Ж.-Ф. Лиотар, — не может узнать и продемонстрировать свою истинность, если не будет прибегать к другому знанию — рассказу, являющемуся для него незнанием; за отсутствием ононого, оно обязано искать основания в самом себе и скатываться таким образом к тому, что осуждает: предвосхищению основания, предрассудку» [7, с. 74]. Иными словами, легитимация и производство научного знания необходимо предполагает «рассказ» (нарратив) как способ конституирования знания, в котором присутствуют высказывания всех типов (дескриптивы, прескриптивы, перформативы и т. д.).

В научном исследовании в процессе постановки целей и задач исследования субъект познания выбирает существенные свойства объекта знания с точки зрения смысла деятельности, создает теоретические модели, с помощью которых конструируется знание, определяют необходимые и существенные свойства вещей. При этом «существенные», «необходимые» и «значимые» свойства объектов не существуют сами по себе. «Существенное» в одной нарративной перспективе может не иметь когнитивного значения в другой постановке задач. Свойства объекта исследуемой реальности аксиологически структурируются, выбираются путём мотивированного целеполагания в контексте практического коммуникативного взаимодействия с Другим в контексте культуры. В результате предмет познания приобретает социальный смысл и значение

в целеполагающей практике познавательного процесса. Объясняя факты, субъект интерпретирует прагматический смысл познания, выражает нормы научной практики, организации и легитимации когнитивного опыта познания.

Внесение смысла в текст нарратива предшествует, сопровождает и фундирует объяснительные процедуры, которые выражают циклическую герменевтическую природу нарративного понимания: чтобы понять целое, необходимо объяснить частное, и наоборот, понимание системной целостности объекта описания помогает объяснить в нём частное событие. Дедуктивно-номологическая объяснительная модель научного знания говорит о конечном результате, а не о противоречивом и сложном процессе познания в его генезисе. Основное различие между пониманием и объяснением в структуре научного знания состоит в том, что в объяснении интенция субъекта сосредоточена на соответствии знания реальности, в понимании объект оценивается в контексте соответствия целям и ценностно-смысловым критериям субъекта в контексте культурной прагматики. В объяснении главным вопросом является доказательство теории на основании фактов — в понимании вопрос о ценностно-смысловой «нагруженности» фактов.

Логика *объяснения* направлена на то, чтобы подвести объект под общий закон, на основе которого нетривиальные положения теории выводятся из ранее установленных теоретических истин. Процедуры объяснения традиционно интерпретировались как «чистые» описания фактов, на основании критериев верифицированного знания с позиций его истинности или ложности. Логическая схема *понимания* основана на подведении фактов под нормативные правила, которые определяют стандарты (нормы, правила, инструкции) деятельности, являются основанием выбора субъекта в процессе научного исследования.

Таким образом, нормативное понимание характеризует эпистемический статус прагматических правил, на базе которых реализуется выбор субъектом «существенных» и «несущественных», «значимых» и «незначительных», «необходимых» и «случайных» свойств объекта научного познания с точки зрения норм научного дискурса. В этом качестве верификация теории зависит не только от фактической стороны исследования, но и от деонтических предписаний, которые определяют выбор учёного, направляют ход исследования и влияют на его результат. Иными словами, описания и объяснения становятся «истинными» и «объективными» не в силу своей очевид-

ности, а в рамках нарративных инструкций, утверждающих то, что значимо, объективно и существенно в процессе познания. В этом качестве нарративная прагматика знания взаимосвязана с эвристикой повествования.

Творческая деятельность в науке, по словам Б. Латура и С. Вульгара, это не приватная способность индивида, а коммуникативный, «социальный форум, на котором производится построение знания» [16, с. 31]. В книге «Жизнь лаборатории: конструкция научных фактов», посвящённой изучению деятельности биологической лаборатории на основе антропологического подхода в социальной эпистемологии, проведено полевое исследование повседневной научной работы учёных в контексте сети социальных практик: рутинной лабораторной деятельности учёных, интерпретации данных, ведения документации, публикации исследований.

Результаты научных экспериментов, как оказалось, можно интерпретировать по-разному: различие в интерпретации наблюдений является функцией социальных отношений и процедур «конструирования» методологических «подходов к реальности» [16, с. 32]. Научная деятельность в лаборатории Роджера Гийемена на примере исследования белка пептида TRF (H), кажущаяся вне её стен логически упорядоченной, содержит серию не релевантной информации, по поводу которой некоторые учёные пытаются договориться, что считать фактом. Текущая научная практика включает нарративные переговоры о двусмысленности спорных фактов, чтобы снизить уровень информационного «шума» и разобраться в вопросах идентификации данных на основании экспертного согласия.

Генезис научных открытий берёт начало в материальном мире, однако консенсус понимания экспериментальных данных в научном сообществе необходимо предполагает прагматику научного дискурса, в котором факты, по словам В.А. Лекторского, оцениваются «в социальных коммуникациях, то есть как продукт и одновременно условие социально-культурного конструирования» [6, с. 35]. При этом в процессе легитимации знания потенциально возможны альтернативные способы интерпретации опытных данных.

Научный нарратив в этом качестве определяет формы структурирования объекта, которые определяют «во что верить» и «что делать» в конкретной ситуации познания. В основе содержательного исследования объекта неизменно присутствует деонтическое предписание — суждение о «должном», задающем систему дескриптивных норм, определяющих способы легитимации знания с позиций социальных

предписаний. Как пишут Й. Брокмейер, Р. Харре: «Хотя нарратив и кажется некоторой хорошо определённой лингвистической и когнитивной сущностью, его следует рассматривать, скорее, как конденсированный ряд правил, включающих в себя то, что является согласованным и успешно действующим в рамках данной культуры» [2, с. 36].

Повествование структурирует наше восприятие мира. Это не воспроизведение картины мира (репрезентация реальности), а способ её дискурсивного конструирования, с помощью которого говорящий придает смысл результатам когнитивного опыта путем организации его содержания, выделения начала, динамического описания цепочки событий по мере сюжетного развития рассказа, связанного определённым образом с заключением, финалом рассказа. Научные тексты, представляющиеся на первый взгляд строгими верифицированными описаниями объекта, фундируются на структурах рассказа, осмысленного и согласованного с контекстом как трансцендентальным основанием знания. Человек осваивает окружающий мир как текст культуры через повествование не только в гуманитарных науках, имеющих текстовую природу, но и в естествознании, в основании которого лежат нарративные практики внесения смысла в текст научного знания.

Хотя наука уверяет, что теория в физике верифицирована опытом, как отмечает российский физик-теоретик Д.Д. Соколов: «Физика (а тем более математика) ... не может непосредственно описывать действительность. Уже сам процесс описания предполагает существование какого-то каркаса представлений, мыслей, методов и тому подобное. Поэтому в строгом и совершенном здании физической теории на самом деле масса деталей взята вовсе не из опыта, а толком неизвестно откуда» [10, с. 21]. Представляется, что «масса деталей» теории, о которой говорит учёный, является по существу элементом повествовательного способа генерации знания, без которого невозможно представить себе реальный процесс осмысления знания в области естественных наук. Между теорией и эмпирическими фактами нет жёсткой, однозначной связи. Для того, чтобы помыслить или представить некоторую модель реальности нужен культурный опыт миропонимания.

Аналогичные проблемы обсуждаются в постмодернистской философии истории (А. Данто, Х. Уайт, Ф.-Р. Анкерсмит), в которой анализируются предпосылки и пределы нарративного описания прошлого. Смысл исторического нарратива, как размышления

о прошлом, согласно Х. Уайту, — это неизбежно рассказ, который организован на основе сюжетного действия, вводимого извне автором повествования. История, как теоретическая дисциплина, интерпретируется как классическая область нарративного способа «объяснения» прошлого, в структуре которого фундаментальное значение отводится финалу истории, как своеобразному гравитационному полю аттрактора, структурирующего восприятие прошлого. Под этот финал, известный заранее автору, подводятся факты исторического описания.

Ф.-Р. Анкерсмит в работе «История и тропология: подъём и падение метафоры» отмечает, что нарративная методология в историческом исследовании не предполагает непосредственного обращения к прошлому. Описание в историческом повествовании, имеет одновременно две взаимосвязанные интенции — фактическую составляющую рассказа и прескриптивную основу, определяющую смысл описываемых фактов, событий и коллизий.

Задаваясь вопросом об эпистемологическом статусе нарратива в исторической науке Ф.-Р. Анкерсмит исследует основные теории истины (корреспондентную, когерентную и т. д.) и приходит к выводу, что понятие истины по отношению к нарративу неприменимо. Исторический нарратив не отражает, а конструирует «картину» прошлого, которое само по себе не может быть критерием истинности или ложности нарратива [1, с. 293]. «Истинных» интерпретаций прошлого, по мнению философа, не существует, так как они имеют герменевтическое, прагматическое, а не онтологическое значение. Новое осмысление известных фактов реализуется не столько за счёт критического их подбора, сколько за счёт выбора нетривиальной «точки зрения» на восприятие описываемых событий. Прошлое как предмет исторической науки не структурировано само по себе вне нарратива: исторический сюжет появляется в процессе повествования. «Идеальный» исторический нарратив — прагматически скоординированное описание, отвечающее на все потенциальные вопросы, обусловленные предлагаемой интерпретацией, с которыми должен согласиться предполагаемый компетентный читатель, в силу логической структуры повествования и фактической его достоверности.

Вклад дискуссий в постмодернистской философии истории в понимание сущности нарративной практики «социального конструирования» прошлого в методологическом отношении следует связать, на наш взгляд,

с обсуждением того, каким образом реализуется процесс осмысления знания на «уровне актора». Традиционно в «модернистской» философии истории социальные и нарративные факторы исключались из методологической рефлексии научного исследования. Однако, как писал один из основоположников нарратологии В.Я. Пропп: «Возведение рассказа к исторической действительности без рассмотрения особенностей рассказа как такового приводит к ложным заключениям, несмотря на огромную эрудицию исследователей» [8, с. 16].

Основная заслуга постмодернистской теории нарратива — это экспликация интертекстуального дискурса о нормах и процедурах легитимации науки. Она фундируется не на основании «больших нарративов» модернистского типа научной рациональности, а на имманентных стандартах нарративного знания, соответствующих социальным способам производства знания, посредством которых человек структурирует восприятие неструктурированного мира и самого себя как часть этого мира. Как пишет К.Дж. Джерджен: «Термины, в которых происходит осмысление мира, есть социальные артефакты, продукты исторически обусловленного обмена между людьми... это не автоматический или природный процесс, понимание мира есть результат активной совместной деятельности людей, вступающих во взаимные отношения» [4, с. 56].

При этом в процессе «конструирования» фактов методологический контекст этих отношений нередко «забывается» в языковых играх. Если первоначально в суждениях об объекте исследователи делают ссылки на автора, методологию, технологический и социальный контекст выявляемых фактов, то в процессе легитимации модальности факта в качестве «установленной» достоверной истины они незаметно для себя оперируют уже референтом как объектом реальности. В этом статусе объект познания, по словам Р. Харре, «выглядит совершенно свободным от контекста, не имеющим отношения ни к чему» в системе научного знания [12, с. 59].

Из дискурса о фактах элиминируются процедуры референции их создания и наделения когнитивным смыслом. Нарратором, от имени которого ведётся повествование, а этим лицом не обязательно является автор, в процессе методологического конструирования реальности становится сама по себе реальность, которая «говорит» и «доказывает» самой своей фактичностью. Однако это обстоятельство традиционно опускается, не мыслится в методологической рефлексии научного дискурса. В этой связи следует согласиться с Р. Харре,

что повествование не находящего нигде актора «это повествование о себе самой объективности, без вмешательства человека», то есть нечто существующее «независимо от каких-либо человеческих воздействий, концептуальных или практических» [12, с. 59]. В реальном процессе познавательной деятельности когнитивные события и объекты в процессе коммуникации обретают статус научного факта в процессе прагматически-семиотического согласия. Впоследствии приобретённый эпистемологический статус может трансформироваться, утратиться на следующем этапе научного исследования, референтной основой, которого является коммуникативный консенсус научного сообщества.

Заключение

Таким образом, нарративное повествование нельзя рассматривать как сугубо индивидуальный подвид дискурса, как утверждает персонализм, или как верифицированное объективное описание, как полагает позитивистская философия науки. Нарратив выполняет в структуре научного познания эпистемологические функции легитимации, трансляции знания в границы культурного кода, внесения смысла в когнитивный опыт, который конституируется в процессе диалогического соприкосновения со смыслами Другого. Посредством нарратива субъект структурирует модель реальности, которая сама по себе не структурирована, утверждает определённую систему ценностей, оказывает риторическое воздействие на читателя и слушателя в коммуникативной ситуации познания.

Научные описания опираются на трансцендентальные для истинного высказывания в терминологии корреспондентной концепции истины нормативные концепты деонтического высказывания. Нарратив определяет содержательные предпосылки знания, задает априорной метаязык научного высказывания, в контексте которого объект обретает феноменологическую очевидность и значимость для субъекта познания. С помощью нарративных суждений субъект перформативно действует, реализует аксиологически мотивированный выбор эпистемологически значимых свойств реальности, формирует смысл, судит о ценностях познания, задает систему координат познавательной деятельности, включает знание в границы культурного текста.

Учитывая имманентную взаимосвязь описательных и нормативных суждений в структуре научного дискурса, эпистемология должна перейти от узкой модели определения

научного знания с позиций субъект-объектной оппозиции к развёрнутой его экспликации в ценностно-смысловых структурах прагматики, в контексте которой референция фундаментально зависит от диалогического опыта понимания знания в нарративных формах его осмысления. Это значит, что гуманитарное измерение контекста производства знания неустранимо в науке. Повествование перестает быть специфическим «идолом мышления» (Ф. Бекон), от которого нужно «очистить» научное познание. Постнеклассическое понимание науки предполагает эксплицитное описание нарративного знания в методологической рефлексии научного исследования, соотнесение внутринаучных принципов и ценностей субъекта познания с социокультурными нормами бытия человека.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры: пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
2. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994.
4. Джерджен К.Дж. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология. Саморефлексия маргинальности. М.: ИНИОН, 1995. С. 51–73.
5. Ильин И.П. Постмодернизм: словарь терминов. М.: ИНИОН РАН; Intrada, 2001.
6. Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Канон+, 2009.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.; СПб., 1998.
8. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998.
9. Рикер П. Память, история, забвение: пер. с фр. М., 2004.
10. Соколов Д. Что есть истина в физике и математике // Знание-сила. 2007. № 3 (957). С. 19–26.
11. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века: пер. с англ. Екатеринбург, 2002.
12. Харре Р. Социальная эпистемология: передачи знания посредством речи // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 49–60.
13. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
14. Fisher W.R. The narrative paradigm: an elaboration // *Communication Monographs*. 1985. Vol. 52, No. 4. P. 347–367. DOI: 10.1080/03637758509376117
15. Kreiswirth M. Trusting the tale: die narrativistische wendung in der human sciences // *New Literary History*. 1992. Vol. 23, No. 3. P. 629–657. DOI: 10.2307/469223
16. Latour B., Woolgar S. Laboratory life. The construction of scientific facts. Princeton: Princeton University Press, 1986. DOI: 10.1515/9781400820412

■ Информация об авторе

Виталий Юрьевич Яковлев — доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций. ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», Кострома, Россия. E-mail: yakovlevv51@mail.ru

References

1. Ankersmit FR. Istorija i tropologija: vzlet i padenie metafory: per. s angl. Moscow: Progress-Traditsiya; 2003. (In Russ.)
2. Brockmeier Y, Harre R. Narrative: problems and promises of an alternative paradigm. *Voprosy filosofii*. 2000;(3):29–42. (In Russ.)
3. Wittgenstein L. Filosofskie raboty. Chast' I. Moscow: Gnozis; 1994. (In Russ.)
4. Gergen KJ. Dvizhenie social'nogo konstrukcionizma v sovremennoj psihologii. In: Social'naya psihologiya. Samorefleksiya marginal'nosti. Moscow: INION; 1995. P. 51–73. (In Russ.)
5. Il'in IP. Postmodernizm: slovar' terminov. Moscow: INION RAN; Intrada; 2001. (In Russ.)
6. Konstruktivistskiy podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke. Ed. by V. A. Lektorskiy. Moscow: Kanon+; 2009. (In Russ.)
7. Lyotard JF. Sostoyanie postmoderna: per. s fr. N.A. Shmatko. Moscow; Saint Petersburg; 1998. (In Russ.)
8. Propp VYa. Morfologiya volshebnoy skazki. Istoricheskie korni volshebnoy skazki. Moscow: Labirint; 1998. (In Russ.)
9. Riker P. Pamyat', istoriya, zabvenie: per. s fr. Moscow; 2004. (In Russ.)
10. Sokolov D. What is the truth in physics and mathematics. *Znanie-sila*. 2007;(3(957)):19–26. (In Russ.)
11. White H. Metaistoriya: Istoricheskoe vobrazhenie v Evrope XIX veka: per. s angl. Yekaterinburg; 2002. (In Russ.)
12. Harre R. Social epistemology: knowledge transfer through speech. *Voprosy filosofii*. 1992;(9):49–60. (In Russ.)
13. Schmid W. Narratology. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury; 2003. (In Russ.)
14. Fisher WR. The narrative paradigm: an elaboration. *Communication Monographs*. 1985;52(4):347–367. DOI: 10.1080/03637758509376117
15. Kreiswirth M. Trusting the tale: die narrativistische wendung in der human sciences. *New Literary History*. 1992;23(3):629–657. DOI: 10.2307/469223
16. Latour B, Woolgar S. Laboratory life. The construction of scientific facts. Princeton: Princeton University Press; 1986. DOI: 10.1515/9781400820412

■ Information about the author

Vitaly Yu. Yakovlev — Doctor in Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies, and Social Communications. Kostroma State University, Kostroma, Russia. E-mail: yakovlevv51@mail.ru